

Ю. В. Синеокая

РУССКИЙ СПОР О НИЦШЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI СТОЛЕТИЙ

Цель статьи — обозначить основные черты «портрета русского Ницше» начала XXI в., выявить тенденции, проблемы и стереотипы российской ницшеаны на современном этапе ее становления (1988–2013 гг.). В центре внимания автора три ключевых вектора сегодняшней интерпретации наследия Ницше: 1) культурологический (религиозно-метафизический), заданный парадигмой прочтения Ницше деятелями Серебряного века русской культуры рубежа XIX–XX столетий; 2) прагматический (политический), который определен содержащейся в работах Ницше критикой коммунизма, национал-социализма, религиозного фундаментализма, его призывами к поиску новых интерпретаций демократии, либерализма, социализма, консерватизма; 3) стратегический (ценностный), который обращается к ницшевскому проекту философии как средства созидания ценностей и мифов, как законотворчества.

Ключевые слова: Ф. Ницше, русская философия, взаимовлияния русской и западной философской мысли, консерватизм, национальное самоопределение, культурная идентичность.

Yu. V. Sineokaya

RUSSIAN DISPUTE ON NIETZSCHE AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

The purpose of the article is to outline the main features of the portrait of “Russian Nietzsche” in the beginning of the XXI century, to reveal tendencies, problems and stereotypes of perception of Nietzsche’s ideas in Russia nowadays, more precisely in the years 1988–2013. The attention of the author of the article is concentrating on the three key vectors of interpretation of Nietzsche’s heritage in Russia today: religious, which has been launched by paradigm of understanding of Nietzsche’s ideas in Silver Age of Russian culture on the turn of the XIX–XX centuries; political, which is based on Nietzsche’s criticism of communism, nazism, religious fundamentalism, his appeals to search of new interpretations of democracy, liberalism, socialism and conservatism; the strategic approach, which is appealing to Nietzsche’s project of philosophy as creation of new values and myths.

Keywords: F. Nietzsche, Russian philosophy, interinfluence of the Russian and Western philosophical thought, conservatism, national self-identification, cultural identity.

В фокусе моего исследования небольшой отрезок времени — четверть века: 1988–2013 гг. Почему меня заинтересовал именно этот промежуток истории отечественной ницшеаны? Какие события послужили его символическими границами?

Давно замечено, что от столетия к столетию время течет всё быстрее. В последние двадцать пять лет с головокружительной скоростью были проиграны заново наиболее существенные варианты рецепции идей Ницше в России.

В 1988 г. в российском прокате появился фильм Андрея Тарковского «Жертвоприношение» (1986), содержащий дискуссию о Ницше. Одновременно этот год вошел в историю как год первой публикации Ницше на русском языке после 63-летнего табу на работы философа в Советской России. Первым текстом Ницше, изданным в посткоммунистический период, стало запрещенное цензурой в дореволюционные годы сочинение «Антихристианин» (1888). Публикация эта появилась в год празднования тысячелетия крещения Руси и официального возвращения православия в постсоветскую Россию.

Синеокая Юлия Владимовна — доктор философских наук, профессор, Институт философии Российской академии наук, 119019, Москва, ул. Волхонка, 14 строение 5; juliasineokaya@yahoo.com

Sineokaya Yulia V. — Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 14-5, ul. Volkhonka, Moscow, 119019, Russian Federation; juliasineokaya@yahoo.com

2013 год был отмечен выходом на российские экраны черно-белого фильма классика венгерского кино Бела Тарра «Туринская лошадь» (2012), посвященного антиномии ценностей жизни и морали в философии Ницше. Кинолента стала одним из бурно обсуждаемых явлений интеллектуальной жизни в России. Ее появление совпало по времени с выходом из печати пятого тома Критического издания полного собрания сочинений Ницше на русском языке, в который вошла наиболее популярная сегодня в России работа философа «По ту сторону добра и зла» (1886).

За последнюю четверть века наметились три вектора интерпретации наследия Ницше:

– первый — культурологический (религиозно-метафизический), заданный парадигмой прочтения Ницше деятелями Серебряного века русской культуры рубежа XIX–XX столетий;

– второй — прагматический (политический), который был задан содержащейся в работах Ницше критикой коммунизма, национал-социализма, религиозного фундаментализма, его призывами к поиску новых интерпретаций демократии, либерализма, социализма, консерватизма. Именно Ницше, значительно раньше других, уловил траекторию европейской истории: переход от национального политического порядка к глобальному — и высказал много интересных соображений о будущем единой Европы;

– третий — стратегический (ценностный), который обращается к ницшевскому проекту философии как средства созидания ценностей и мифов, как законотворчества.

Нынешний этап истории отечественного ницшеведения, вошедший в летопись русской ницшеаны под названием «Возвращение философии Ницше в Россию» [1, с. 56], начался в 1988 г. и продолжается в наши дни. Он распадается на два периода, отражающих две противоположные тенденции.

1. С 1988 до 2000 г. — ренессанс философии Ницше в нашей стране. По аналогии с культурным расцветом России пушкинской поры и культурным взлетом начала прошлого века этот период можно было бы назвать серебряным веком русской ницшеаны. (Золотой же век философии Ницше в России — первая декада XX столетия.) Возрождение интереса к философии Ницше в России совпало с перестроечным временем вхождения страны в мировое сообщество на правах европейской державы.

2. С 2000 г. до нынешнего времени длится период, который, я всё-таки надеюсь, хоть полной уверенности у меня нет, войдет в историю русской ницшеаны под названием «Ницшеанство и антиницшеанство в России второй декады XXI века», а не под заголовком «Кризис российского ницшеанства в девяносто—двадцатые годы XXI столетия». Для нашего времени характерны две взаимоисключающие тенденции: академизация портрета русского Ницше и вульгаризация наследия философа, уходящая корнями в первые перестроечные годы.

Ренессанс философии Ницше в России в 1988–2000 гг. уже достаточно хорошо изучен как у нас в стране, так и за рубежом. Это время характеризуется головокружительным взлетом популярности Ницше.

В 1990 г. московское издательство «Мысль» выпустило знаменитый «черный» двухтомник сочинений Ницше, подготовленный и откомментированный Кареном Свасьяном. Невероятно, но более 100 000 экземпляров первого издания были проданы моментально, второе — вновь 100-тысячное — издание также было сметено

с полок книжных магазинов за несколько недель. В предисловии к двухтомнику К. Свасьян, прозорливо обозначив проблему стереотипов в восприятии наследия Ницше в нашей стране, предостерегал: «И вот — после столь глухого перерыва — снова: Фридрих Ницше на русском языке... Ницше, оболганный, табуированный, пораженный в культурных правах; Ницше, обреченный на пиратское существование между спецхраном и чёрным рынком, пущенный на культурный самотёк и всё еще — сенсационный, подпольный, мушиный; будем надеяться, этому Ницше приходит конец. Мошеннический образ, долгое время служивший прообразом “сильных” ничтожеств — от героев Арцыбашева и Пшибышевского до маньяков государственной власти, — безвозвратно сдается в архив авантюрного века... Остается иной образ, но — внимание! — отнюдь не безопасный, отнюдь не разминированный, отнюдь не легко перевариваемый: да, всё еще опасный, взрывоопасный, всё еще «динамит», но — иной. “Философ неприятных истин” — так однажды вздумалось ему назвать себя еще до того, как истины эти были названы им же “ужасными”. Какая странная ирония! Десятилетия мы держали эти ужасные писанные истины под замком, отдаваясь по-неписаному ужасам, в сравнении с которыми они показались бы разве что невинными приближениями; десятилетиями кому-то думалось, что читать “вот это вот” опасно... Опасно? Но не опаснее же самой действительности, которую так разрушительно чувствовал и небывалые вирусы которой впервые привил себе, продемонстрировав на себе их действие, этот человек! Вирусы остаются в силе, и, покуда ещё они будут оставаться в силе, жертве Фридриха Ницше придется быть не столько философским наследием, сколько злобой дня» [2, с. 45–46].

Поток публикаций текстов Ницше увеличивался стремительно. В 1990-е годы о Ницше писали как об идеалисте, религиозном мыслителе, идеологе единой Европы, либерализма и свободы творчества. Интерес к наследию немецкого философа определялся прямым влиянием его идей на формирование российской идентичности как идентичности европейской.

Имя Ницше стало играть роль лакмуса, определявшего политические изменения в стране. Он сделался наиболее цитируемым в российской политически ангажированной периодике философом, причем востребованным идеологами как правого, так и левого крыла. В эти годы появились первые публикации отечественных ницшеведов о «воле к власти» и «большой политике».

Первым симптомом новой парадигмы прочтения Ницше в России, а именно — как мыслителя по преимуществу политического, стала монография американского историка Бернис Розенталь «Новый миф, новый мир» [3]. Сам жанр исследования Розенталь — уход в историю политических идей (начиная с рубежа XIX–XX вв. и вплоть до эпохи президентского правления Владимира Путина) — свидетельствовал о том, что современный «русский Ницше» интересен в первую очередь как политический мыслитель.

XXI век — пока еще *terra incognita* или, точнее, белое пятно в летописи русской ницшеаны. Очевидно, что для понимания любого исторического феномена необходима временная отстраненность, дистанция, однако рискну представить свой анализ сегодняшней повседневности так, как если бы речь шла о законченном отрезке истории.

2005 год — поворотная веха для отечественного ницшеведения: опубликован первый том 13-томного издания русскоязычной версии наиболее полного на сегодняшний день собрания сочинений Ницше под редакцией Джорджи Колли

и Мадзино Монтинари, осуществляемого издательством «Культурная революция» под эгидой Института философии РАН. Год завершения проекта — 2014.

Однако, к сожалению, посткоммунистическая реабилитация не до конца освободила ницшеанство от обвинений в связях с национал-социализмом, шовинизмом и антихристианством. По сей день в нашей стране распространен «синдром» неприязни к немецкому философу. Нередко российские исследователи творчества Ницше сталкиваются с проблемой преодоления антиницшеанских стандартов, исходя из которых их порой осуждают.

Иллюстрацией к прочтению Ницше в про- и контрницшеанском лагерях сегодня могут служить два сетевых издания: академический сетевой журнал «Гефтер»¹ и портал «Агентство политических новостей» (АПН)².

Открывая дискуссию о Ницше, издатели «Гефтера» подчеркивали, что мысль Ницше — это вызов тем, кто исследует сегодня историю европейской культуры. «Вслед за Жоржем Батаем, Альбером Камю, Мишелем Фуко, Жилем Делёзом и многими другими мыслителями, которые первыми предприняли попытки вписать Ницше и его философы в историю философии и — шире и глубже — духа, а не только сделать из его текстов очередную серию лозунгов, авторы “Гефтера” видят свою задачу в продолжении этого начинания в современной российской культуре. Задача осложнялась тотальной девальвацией в России идей и ценностей Ницше, введенных им в европейскую культуру» [4].

С конца января по апрель 2006 г. на сайте АПН продолжалась не получившая тогда большого резонанса полемика о значении философии Ницше для реалий современной России. Участники дискуссии пытались осмыслить наследие Ницше как необходимое звено в процессе национально-цивилизационного самоопределения России.

В интернет-конференции «Спор о Ницше», которую организовал Борис Межуев (впоследствии — респектабельный политолог, заместитель главного редактора «Известий» и главный редактор портала «*Terra America*»), приняли участие полтора десятка авторов³, в большинстве своем представляющиеся как христианские консерваторы [5].

Разговор шел о необходимости скорейшего формирования в России новой консервативной восточнохристианской цивилизации как альтернативы цивилизации пост-христианской, сменившей, в результате «ницшевской революции», западнохристианскую цивилизацию. Сторонники данного подхода были едины во мнении, что Ницше совершил самую радикальную из возможных революций — революцию

---

¹ «Гефтер» — интернет-журнал, посвященный исторической науке, общественным и политическим трансформациям. Основан в 2011 г.

² «Агентство политических новостей» (АПН) — российское интернет-издание организации «Институт национальной стратегии». Своей задачей называет «представление политически активной аудитории эксклюзивной информации о политической жизни в России и мире».

³ Вадим Нифонтов («Ницше как воспитатель»), Егор Холмогоров («О пользе и вреде Ницше для истории»), Андрей Рассохин («Воля к смерти»), Владимир Можегов («Всечеловек против сверхчеловека»), Дмитрий Володихин («Философия действия»), Андрей Ашкер («Ницшедействие»), Юрий Тюрин («Ницше» и «сверхчеловечки»: ветер с Запада»), Вадим Штепа («Консерваторы пустоты»), Андрей Мартынов («Когда «умер Бог?»»), Александр Люсый («Поиск Ксантиппы»), Александр Филиппов («Искуситель посредственности»), Василий Ванчугов («Кумир сумерек»), Игорь Чубаров («Европейский нигилизм»: ошибка популярной интерпретации»), Дарья Ефремова («Загадка Сфинкса») и др.

против ценностей. Его философия, как они считают, разрушила классическую культурную парадигму, не только нанеся урон христианству, но и поставив под сомнение правомерность идеи трансценденции как таковой, в результате чего христианские ценности европейской культуры утратили свою власть.

Участники дискуссии возложили на Ницше ответственность за формирование неоязыческой и постхристианской Европы XXI в., результатом чего стал не только кризис традиционных христианских ценностей — Истины, Добра и Красоты, но и диктат западных (языческих) антиценностей, таких как политкорректность, толерантность, мультикультуризм, глобализм, эвтаназия, официальное признание гомосексуальных браков и т.п. Одновременно философия Ницше объявлялась безнадежно устаревшей: «Сегодня можно говорить лишь о “закавыченном ницшеанстве”, представляющем собой неоязыческую идеологию современной Европы» [6].

Согласно вердикту участников проекта, философия Ницше стала тем рубежом, перешагнуть который отечественная философия не смогла. Более того, «русская ницшеана» выявила неактуальность русской идеалистической философии для понимания проблем современности, поскольку сегодня на передний план вышла ницшевская идея «переоценки ценностей», не востребованная русским «серебряным веком». Это обстоятельство, по мнению христианских консерваторов, объясняется тем, что «Генеалогию морали» в русской философии начала XX в. не обсуждали и не комментировали, тогда как западная мысль увидела именно в этом сочинении смысловой центр ницшевского проекта «переоценки ценностей». «Пора перестать говорить банальности в духе Мережковского: “Ницше не любил христианство, но любил Христа”, — писал Борис Межуев, — ведь решение этой психологической загадки лежит на поверхности, и оно-то и есть движущий мотив всей “ницшеанской революции”: “ценности”, или, чтобы не входить в схоластический спор о ценностном плюрализме, мораль принимается философом только в одном и исключительном случае, когда она абсолютно бессильна, когда она не проникается “жаждой мести”, не господствует над “жизнью”, а дает этой самой “жизни”, проще говоря, аморальной власти безусловное право господствовать над ней» [5].

Призывы к крестовому походу против Ницше не новы. Конец XIX в. можно по аналогии с нашим временем охарактеризовать как эпоху «культурного консерватизма», своеобразии которой состоит в том, что обращение к истокам европейской духовности носило не революционный, а именно консервативный характер. Отечественные мыслители (за редкими исключениями, такими как Константин Леонтьев) стремились не противопоставить прошлое Европы ее настоящему, но найти такие ценностные основания, которые бы позволили Европе оставаться Европой, несмотря на появление новых культурных феноменов типа философии Ницше. Российские мыслители — Николай Грот, Лев Лопатин, Лев Толстой — стремились вернуть культуре ее классическую форму единства трех первоценностей, распадавшегося, по их убеждению, в сознании европейца на отвлеченные начала жизни и познания; найти путь естественного и гармоничного примирения разума и веры, жизни и культуры, политики и религии.

Итак, первоначально, в конце XIX в., идеи Ницше дали импульс к пробуждению русского культурного национализма. Принятие этой стороны учения немецкого философа было подготовлено всей предшествующей славянофильской традицией,

а также панславизмом Николая Данилевского, консерватизмом Константина Леонтьева и Николая Гилярова-Платонова.

Затем, в предреволюционные годы, суждения Ницше послужили моделью для поворота от культурного национализма к национализму политическому. Однако если в Европе смещение акцента с культуры на политику привело к формированию национальных государств, то в России русский политический национализм обернулся программой сохранения империи.

В 1930-е — 1970-е годы имя Ницше упоминалось публично лишь с целью разоблачения «реакционной сущности» его сочинений.

В сталинскую эпоху главной книгой о Ницше считалась монография Михаила Лейтейзена «Ницше и финансовый капитал» (1928), базовым тезисом которой было утверждение о том, что философия Ницше выражает классовые интересы монополистической буржуазии. Учение Ницше объявлялось «идейным базисом фашистской идеологии»⁴.

Монография, воплощавшая официальную позицию хрущевской эпохи по отношению к Ницше — «Реакционная сущность ницшеанства», была опубликована в 1959 г. Автором этой книги, написанной в духе риторики холодной войны и напечатанной тиражом 4 400 экземпляров, был Степан Одуев, единственный признанный властью специалист по философии Ницше, который в своих одиозно-официозных статьях более двадцати лет сохранял имя философа в советской литературе. Подчеркивая «генетическую связь» между Ницше и фашизмом, Одуев разоблачал Ницше как духовно коррумпированного философа, глашатая эгоизма, бессовестного апологета варварской «воли к власти», «зоологического антигуманизма», насилия, милитаризма и расизма. Социальные идеалы Ницше объявлялись одновременно космополитическими и расистскими. В заключении делался вывод о необходимости и своевременности жесткого марксистского отпора опасным идеям Ницше. Следующая книга Одуева «Тропами Заратустры: влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию», выпущенная в 1971 г. уже 16-тысячным тиражом, воплощала официальное отношение к Ницше в брежневскую эпоху.

Советские историки, энциклопедисты и издатели философских словарей вплоть до второй половины 1980-х годов ассоциировали Ницше исключительно с «волей к власти», иррационализмом, нигилизмом и индивидуализмом как главной составляющей ницшевского «морального нигилизма».

В 1982 г. огромным тиражом в 50 000 экземпляров было опубликовано исследование Юрия Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия», в котором Ницше был представлен как экзистенциалист и образчик морального нигилизма буржуазного Запада, а Толстой и Достоевский воплощали высокие моральные идеалы, хранимые русским народом. Смысл книги заключался в противопоставлении Ницше и Достоевского. Давыдов убеждал читателя, что Ницше использовал идеи Достоевского для обоснования своих собственных взглядов, абсолютно неприемлемых для великого русского писателя. В противоположность Ницше, выступающему на страницах книги защитником аморальных идеалов Ренессанса, озабоченным лишь проблемой личного счастья и реализации своих способностей, Достоевский

---

⁴ Ср. работы некоторых других авторов: Б. Бернадинер, «Ницшеанство в идеологии фашизма»; Б. Быховский, «Ницше и фашизм»; И. Лежнев, «Пророк империализма»; Г. Лукач, «Ницше как предшественник фашистской эстетики»; М. Митин, «Идеология фашистского мракобесия».

представал мыслителем, отстаивающим идею долга по отношению к другим. Ученник Юрия Давыдова, известный политолог Александр Филиппов так определил суть «Этики любви и метафизики своеволия»: «...В “Этике...” враги и друзья были названы поименно: главным другом оказался Достоевский, а главным врагом — Ницше. Собственно, здесь подразумевалось большее: били Ницше, но в виду имели также и Маркса. Били Ницше и Маркса, но в виду имели также ренессансного человека (того самого, что звучит гордо). Били ренессансного человека — и вместе с ним Запад, с его потребительством, индивидуализмом, контркультурой, инфантилизмом. Русская же литература — от Пушкина (которого Давыдов противопоставлял Сартру и раннему Камю), от Толстого и Достоевского до Астафьева, Распутина и Белова представляла альтернативу: потенциал добродетельного поведения, угнездившегося в принципах и правилах повседневной морали простого человека» [7].

Книга Юрия Давыдова пользовалась огромной популярностью в горбачевскую эпоху. В 1989 г. она вышла вторым изданием тиражом 65 000 экземпляров. В 1988 г. на конференции в Фордхамском университете (США), посвященной влиянию Ницше на советскую культуру, Давыдов отстаивал тезис о том, что влияние Ницше на российскую и советскую культуры носило исключительно негативный характер [3, р. 426].

2010-е годы уже можно охарактеризовать как начало эпохи «культурного консерватизма». Обращаясь к досоветской эпохе в поисках новых идеалов, противостоящих либеральной идеологии 1990-х, ряд отечественных интеллектуалов стремятся не противопоставить прошлое России ее настоящему, а найти такие ценностные основания, которые бы позволили России вновь стать европейской державой в классическом смысле, какой она была в XIX в., до появления культурных феноменов типа Ницше. Это вновь была попытка вернуть культуре ее классическую, утраченную Западом форму: идеал «цельной личности», единство жизни и культуры, политики и религии.

Идеологический вакуум, образовавшийся в стране после краха официального коммунизма и кризиса 1990–2000 гг., привел к усилению русской национал-патриотической оппозиции. К 2000 г. ситуация в России заметно изменилась по сравнению с серединой 1990-х годов: традиционалистские, неофашистские и национал-коммунистические теории сменили свой статус интеллектуального маргинализма на положение признаваемых в обществе идеологий. Они не без успеха стали претендовать на место в смысловом поле современной культуры. Освободившееся место в политическом «райке» заняли отечественные младотеоретики консервативной революции, сторонники антимондиализма, антипостмодернизма, антиглобализма.

Свою цель идеологи третьего пути видели в формировании «консервативно-революционного полюса» (трактовка Александра Дугина) и выработке альтернативного нынешнему курсу цивилизации, базирующегося на возвращении к традиционалистским ценностям: «Дискурс Консервативной Революции (или Третьего Пути) — тексты Ницше, Шпенглера, Хаусхофера, Шмитта, Артура Мюллера ван ден Брука, Шпанна, Хайдеггера, Никиша, Тириара, Леонтьева, кн. Николая Трубецкого, Савицкого, Алексева, Устрялова и т. д. — это политическая проекция интегрального традиционализма, и только в этой версии они обладают реальным эсхатологическим статусом» [8, с. 9].

Однако в самые последние годы парадигма консерватизма в России вновь претерпела изменения. Сегодня фаворитом оказалась идеология группы Бориса Межуева. Восемь лет назад, подводя итоги дискуссии на сайте АПН, её организатор

выразил сожаление, что русская мысль до сих пор больна родовым недугом культуры XX столетия — попытками разного рода «оправдания» Ницше и «примирения» с ним, а также посетовал на отсутствие практических оснований для появления антиницшевской «восточно-христианской цивилизации»: «Давайте не тешить себя иллюзиями. Ничто в нашем сегодняшнем национальном бытии, в нашей государственной политике, в нашей изо всех сил тянущейся к Европе интеллигенции (“левой”, “правой”, “красной”, “оранжевой”, “зеленой”, “голубой”, “коричневой” — всякой) не свидетельствует о возможности создания в России новой восточно-христианской цивилизации. Да уже слышны голоса о том, чтобы бросить всё к чёрту и присоединиться к европейцам, к “белой расе”, но удивительным образом все эти голоса стихают... при первых звуках песни “День Победы”. Во время великого праздника нашей цивилизационной независимости. Потому что в этот день становится ясно, что подлинное, а что наносное, что идет от глубины сердца, а что является плодом интеллектуальных игр и духовных соблазнов» [5].

Спустя восемь лет очевидно, что Борис Межуев ошибался: «практические основания» возникли. Консерватизм сегодня становится основой государственной политической доктрины, новой национальной идеологией России. «В мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей... Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию», — сказал Президент России Владимир Путин в 2013 г. в Послании Федеральному собранию [9], процитировав популярное сегодня сочинение Николая Бердяева «Философия неравенства».

Сегодня в консерватизме ищут обоснование русской идентичности. К консерватизму обращаются в поисках смысла русской цивилизации: «Консервативная революция сверху, опирающаяся на консервативный запрос снизу, способна произвести огромные изменения в общественно-политическом устройстве России, убрать то, что не отвечает национальному коду и мешает развитию страны» [10]. Центральным условием, определившим востребованность идеи консерватизма, является поиск национальных путей развития России как не-Европы, которые бы показали свою эффективность в современном конкурентном мире.

Востребованными сегодня оказались те молодые сторонники христианской консервативной революции, которые негативно отзываються о роли Ницше, именуя его «искусителем и очарователем посредственности» (Александр Филиппов)⁵. Их выводы относительно наследия Ницше достаточно радикальны: «Необходимо поставить на дискуссии о Ницше жирную точку. Мы должны сказать себе, что “спор” этот —

---

⁵ Приведу несколько выдержек из текстов, опубликованных АПН: «Иллюзия близости Ницше консерватизму возникает, вероятно, из-за его включенности в пантеон германской консервативной революции прошлого века. Но дело в том, что это была именно “революция”, а не просто “консерватизм”. Это восстание новой античности, язычества против ветхого христианства» [11]. «Русские, “русская цивилизация” могут и должны взять максимальную дистанцию от того, что происходит сегодня с “цивилизацией ницшепоклонников” на Западе» [6]. «Ницше сегодня в куче ненужного, что не должно быть прочитано за полной бесполезностью. В Ницше нечего преодолевать, он не нужен, да и все. Он сам себя преодолел. Из Ницше нечего брать, он писал слишком давно и в слишком других условиях, поэтому ни один кирпич из обломков его философского здания не может быть использован здесь и сейчас. Зато, опять-таки, есть Хоружий, Панарин, Дугин. И Гиренок» [12].

не о Ницше, но о судьбе восточно-христианской цивилизации, которая может состояться лишь как духовная альтернатива цивилизации пост-христианской, в ходе «ницшевской революции» сменившей цивилизацию западно-христианскую» [5].

Почему же сторонники идеологии неоконсерватизма видят в Ницше противника? Ницше для них — создатель именно тех постклассических ценностей современного западноевропейского мира, именуемого ими «языческой» тенью западного христианства», которые противоречат образу Европы *par excellence*, вечному недостижимому идеалу Европы, который они мечтают воплотить в России, но который существует лишь в мифическом прошлом или мифическом будущем.

Как и в XIX в., консерватизм, возникнув как идеологическое течение в виде культурно-философской оппозиции режиму, на сей раз — либерально-демократическому, имел поначалу преимущественно культурный характер. Однако ко второй декаде XXI в. он постепенно стал приобретать прагматическую политическую проекцию.

В статье «Искуситель посредственности» Александр Филиппов прозорливо заметил, что «в любой революционной установке нашего времени Ницше будет таиться, как вирус в компьютере, как геном радикальной мысли» [7]. В этом обстоятельстве и состоит непреходящая актуальность философии Ницше. Думаю, что интерес к идеям Ницше скоро начнет набирать обороты вновь. Россия — европейская страна, а значит, Ницше будет востребован в России.

Литература

1. Синеокая Ю. В. Три образа Ницше в русской культуре. М.: ИФ РАН, 2008. 197 с.
2. Свасьян К. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Собр. соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 5–46.
3. Rosenthal B. G. *New Myth, New World: from Nietzsche to Stalinism*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. 480 p.
4. Максаков М. Тяжба с сердцем // Гефтер. 26.02.2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/11494> (дата обращения: 01.05.2014).
5. Межуев Б. Революция против ценностей // АПН. 10.05.2006. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1944.htm> (дата обращения 01.05.2014).
6. Тюрин Ю. «Ницше» и «сверхчеловечки»: ветер с Запада // АПН. 01.03.2006. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1800.htm> (дата обращения: 01.05.2014).
7. Филиппов А. Искуситель посредственности // Фридрих Ницше — 6000 футов над уровнем человека: [сайт]. 20.04.2006. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xhc/politik/discuss-apn/4> (дата обращения: 01.05.2014).
8. Малер А. Гештальт-революция Эрнста Юнгера // Философская газета. 2002. № 2 (3). С. 8.
9. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 01.05.2014).
10. Яковлев П. Зеркало русской идеологии // ВЗГЛЯД. РУ. 17.05.2014. URL: <http://www.vz.ru/politics/2014/5/17/687154.html> (дата обращения: 01.05.2014).
11. Штена В. Консерваторы пустоты // АПН. 16.03.2006. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1825.htm> (дата обращения: 01.05.2014).
12. Володихин Д. Философия действия // АПН. 30.01.2006. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1751.htm> (дата обращения: 01.05.2014).

Статья поступила в редакцию 24 мая 2014 г.